
АННА ТИХОНОВА
СОМНАБУЛА
Когда ты спишь,
кто-то другой
проживает твою жизнь...
18+

Анна Тихонова

Сомнамбула

«Автор»
2026

Тихонова А.

Сомнамбула / А. Тихонова — «Автор», 2026

Дарья Ветрова — хирург. Она привыкла держать всё под контролем: скальпель, пульс, собственные нервы. Но однажды утром она просыпается в чужой квартире, рядом с незнакомым мужчиной, и не помнит, как туда попала.Через несколько дней этого мужчину находят мёртвым. А таксист рассказывает следователю про босую женщину, которая шла ночью по разделительной полосе с открытыми невидящими глазами и сказала ему: «Я пришла, чтобы ты уснул».Дарья не помнит своих ночей. Зато кто-то, похоже, помнит их за неё.Психологический триллер о власти над чужим сознанием, страхе перед собственным сном и любви, которой приходится доверить самое уязвимое.

© Тихонова А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 1. Ночь первая 7
Глава 2 10
Глава 3 14
Глава 4 17
Глава 5 21
Глава 6 24
Глава 7 28

Анна Тихонова
Сомнамбула

Глава 1

Москва. Улица Бутырская. 3 часа 17 минут.

Таксист Рашид Абдуллаев потом рассказывал эту историю много раз. Жене, сменщику, следователю. Каждый раз одинаково, будто читал по бумажке. И каждый раз в одном месте замолкал и тёр ладонью затылок.

Он стоял на светофоре у Савёловского. Шёл мелкий октябрьский дождь, тот, что не льёт, а висит в воздухе. На улице никого. Он смотрел в телефон и ждал зелёного.

Потом поднял голову и увидел её.

Женщина шла по середине проезжей части. Не по тротуару — по разделительной полосе, ровно по белой линии, как по канату. Босиком. В мужской рубашке, голубой, в мелкую полоску, которая доходила ей до середины бёдер. Больше на ней ничего не было. Тёмные волосы прилипли к щекам. С подола рубашки капало.

Рашид подумал: пьяная. Потом подумал: беда какая-то, муж выгнал. Опустил стекло, крикнул:

— Девушка! Эй! Вам помочь?

Она не повернула головы. Шла так же ровно, ставя одну босую ступню перед другой. Мимо неё, сигналя, пронеслась машина — она даже не вздрогнула.

Рашид включил аварийку, вышел из машины и побежал за ней. Догнал на перекрёстке. Взял за локоть.

Локоть был ледяной. Совершенно ледяной, как у покойника. А глаза — открыты.

Вот в этом месте Рашид всегда замолкал.

Потому что глаза были открыты, но в них никого не было. Он двадцать лет за рулём, он видел пьяных, обколотых, сумасшедших, видел людей после аварий. У всех в глазах кто-то был. Злость, страх, туман — но кто-то. А тут смотришь — и видишь только отражение фонаря. Как в окне пустой квартиры.

Она остановилась, когда он её коснулся. Медленно повернула к нему лицо. Красивое лицо, сказал он следователю. Лет тридцать пять. Спокойное.

И сказала тихим, ровным голосом, будто читала молитву:

— Я пришла, чтобы ты уснул.

Рашид отпустил её локоть. Он сам не понял, почему. Рука просто разжалась.

Женщина повернулась и пошла дальше. По белой линии. В сторону Новослободской. Через минуту дождь и темнота съели её целиком.

Он стоял на перекрёстке под мигающим жёлтым и не мог заставить себя пойти следом. Потом вернулся в машину, закрыл двери на центральный замок и долго сидел так, не трогаясь с места.

Следователю он рассказал это через девять дней. Когда увидел в новостях фотографию мужчины, найденного мёртвым в своей квартире на Бутырской. В доме, мимо которого она шла.

На фотографии мужчина улыбался. Он был в голубой рубашке в мелкую полоску.

Глава 1. Ночь первая

Первое, что почувствовала Дарья Ветрова, — запах. Чужой стиральный порошок. Что-то с хвоей, дешёвое, резкое. Она пользовалась другим, без запаха, потому что от отдушек у неё чесались запястья под хирургическими перчатками.

Второе — чужое дыхание. Справа, совсем близко. Ровное, с тихим присвистом на выдохе.

Она открыла глаза.

Потолок был не её. Белый, с жёлтым пятном протечки в углу, похожим на материк. Шторы — не её, тяжёлые, бордовые. Сквозь щель между ними сочился серый утренний свет.

Дарья медленно, очень медленно повернула голову.

Рядом лежал мужчина. Лет сорока, тёмные волосы с проседью, щетина. Он спал на спине, приоткрыв рот, одна рука свешивалась с кровати. На запястье — дешёвые электронные часы. 6:41.

Она не знала его. Никогда не видела. Ни в больнице, ни в кафе, ни во сне.

Дарья лежала и не двигалась. Двенадцать лет в травматологии научили её одному: сначала оценить обстановку, потом действовать. Паника — это потом. Если будет время.

Оценила.

Она в постели незнакомого мужчины. На ней мужская рубашка, голубая, в мелкую полоску. Под рубашкой ничего. Тело не болит. Никаких следов насилия, она бы почувствовала. Голова ясная, не тяжёлая — значит, не пила. Во рту привкус металла.

Она ничего не помнит. Последнее воспоминание — вчерашний вечер. Её кухня, чай с мятой, сериал на ноутбуке. Она легла в одиннадцать. Одна. В своей квартире на Соколе.

Между одиннадцатью вечера и 6:41 утра — ничего. Белое пятно. Как вырезанный кусок плёнки.

Она осторожно откинула одеяло и села. Мужчина вздохнул во сне и повернулся на бок, к стене.

На стуле у кровати лежала её одежда. Джинсы, свитер, бельё. Аккуратно сложенные стопкой — свитер рукавами внутрь, джинсы пополам и ещё раз пополам.

Дарья смотрела на эту стопку, и её начало мутить.

Она никогда не складывала одежду. Никогда. Бросала на стул, на кресло, на пол. Мать всю жизнь ругала её за это. Так аккуратно, рукавами внутрь, складывала одежду только мать.

Дарья оделась за сорок секунд. Рубашку незнакомца бросила на стул — не сложив. Нашла в прихожей свои кроссовки, сумку, куртку. Всё было на месте: телефон, кошелёк, ключи. Ничего не пропало.

На тумбочке в прихожей стояла фотография в рамке. Тот же мужчина, моложе, на берегу моря. Обнимает девочку лет восьми с двумя косичками. Девочка смеётся, у неё нет переднего зуба.

Дарья вышла и тихо прикрыла за собой дверь.

* * *

Дом оказался пятиэтажкой на Бутырской. Она вызвала такси уже на улице, стоя у подъезда, и только тут заметила, что ей холодно ногам.

Она посмотрела вниз. Кроссовки были надеты на босу ногу. Носки она не нашла.

В такси она сняла один кроссовок и посмотрела на ступню.

Подошва была чёрная. Не грязная — чёрная, будто она долго шла босиком по асфальту. Между пальцами засохла грязь. На пятке — свежая царапина, неглубокая, длиной сантиметра три. Края ровные, будто от стекла.

Дарья надела кроссовок обратно и до самого дома смотрела в окно, сжав руки на коленях так, что ногти впились в ладони.

* * *

Дома она полчаса стояла под горячим душем и тёрла ступни щёткой. Обработала царапину хлоргексидином, заклеила пластырем. Потом села на край ванны в полотенце и заставила себя думать.

Варианта было три.

Первый: её чем-то опоили. Подсыпали в клубе, в баре, в кафе. Но она не была ни в клубе, ни в баре. Она была дома.

Второй: она сошла с ума. Диссоциативное расстройство, фуга, провалы. Она читала об этом в ординатуре. Такое случается от стресса, от недосыпа, от травмы.

Третий.

Третий вариант она старалась не произносить даже про себя.

Ей было двенадцать лет, когда она впервые проснулась ночью от холода и увидела, что балконная дверь открыта. Мать стояла на балконе девятого этажа. Не стояла — сидела на перилах, свесив ноги наружу, в ночной рубашке. Смотрела вниз, на двор. И что-то тихо напевала.

Дарья тогда не закричала. Каким-то детским чутьём поняла, что кричать нельзя. Подошла медленно, на цыпочках, обхватила мать сзади за пояс и потянула внутрь. Мать не сопротивлялась. Послушно слезла с перил, послушно дала отвести себя в спальню и лечь. А утром ничего не помнила.

Врачи сказали: сомнамбулизм. Снохождение. Наследственное. Выписали таблетки, которые мать то пила, то забывала.

Когда Дарье был двадцать один год, мать упала с того же балкона. Ночью. В половине четвёртого.

В заключении написали: несчастный случай.

Дарья сидела на краю ванны и смотрела на свою заклеенную пятку.

Наследственное.

* * *

В половине девятого она уже была в больнице. Первая градская, отделение травматологии, третий этаж. Её отделение, её люди, её операционная. Здесь всё было понятно.

В девять привезли мотоциклиста. Открытый перелом бедра, осколки кости торчат наружу, кровопотеря. Парню было двадцать два, он смотрел в потолок и всё время повторял, что мама его убьёт.

Дарья мыла руки и чувствовала, как отпускает. Мыло, щётка, вода. Тридцать секунд на каждую руку. Перчатки. Халат. Свет лампы. Здесь всё подчиняется ей. Каждое движение, каждая секунда.

— Доброе утро, Дарья Андреевна.

Роман Сазонов, анестезиолог, уже стоял у изголовья, проверяя аппаратуру. Высокий, с густыми седеющими волосами и мягким голосом, которым он мог уговорить уснуть кого угодно. Его любили все. Медсёстры, пациенты, заведующий. Он помнил дни рождения всех санитарок и приносил на отделение пирожки от своей матери.

— Доброе, Роман Петрович.

— Вы бледная. — Он посмотрел на неё поверх маски. Глаза у него были светлые, серо-голубые, очень внимательные. — Опять не выспались?

— Нормально.

— Конечно, нормально. У хирургов всегда всё нормально. — Он чуть улыбнулся. — Начинаем? Пациент готов.

Операция шла два часа сорок минут. Дарья собирала бедро из осколков, как пазл. Пластина, винты, ещё винты. Руки не дрожали ни разу. Сазонов всё это время тихо напевал за ширмой какую-то мелодию. Без слов, на одной ноте. Он всегда напевал во время наркоза, говорил, что пациентам спокойнее.

Дарья вдруг поймала себя на том, что знает эту мелодию. Знает, но не может вспомнить откуда. Как слово, которое вертится на языке.

Она тряхнула головой и вернулась к винтам.

После операции, в ординаторской, Сазонов поставил перед ней кружку.

— Как вы любите. Чёрный, без сахара, с щепоткой соли.

Она удивлённо подняла глаза.

— Откуда вы знаете про соль?

— Вы мне сами рассказали. На новогоднем корпоративе. Не помните? — Он рассмеялся. — Ну, вы там были не очень… Ладно, неважно. Пейте. Вам надо.

Она выпила. Кофе был хороший.

— Если не спится, — сказал Сазонов, уже стоя в дверях, — могу посоветовать специалиста. Хороший сомнолог, частная клиника. Или выпишу что-нибудь лёгкое. Без привыкания.

— Спасибо, Роман Петрович. Справлюсь.

— Я не сомневаюсь, — сказал он мягко и ушёл.

* * *

Вечером Дарья сделала то, чего не делала никогда.

Она взяла из шкафчика в ванной эластичный бинт, села на кровать и привязала правую щиколотку к ножке кровати. Узлом, которым в операционной завязывают швы: двойной, затянутый, его не развяжешь, не проснувшись. Проверила. Держит.

Потом поставила на тумбочку телефон, включила на нём видеозапись и направила камеру на кровать.

Потом долго лежала в темноте и смотрела в потолок. Слушала, как стучит сердце.

Заснула она под утро.

Проснулась в семь от будильника. В своей постели. В своей квартире. Бинт на щиколотке был на месте, узел нетронут.

Дарья села и выдохнула так, что закружилась голова. Засмеялась — коротко, нервно. Значит, вчера был единичный эпизод. Стресс. Недосып. Бывает.

Она взяла телефон, чтобы посмотреть запись.

Записи не было. Видео остановилось в 23:52, через восемь минут после того, как она его включила. Батарея была заряжена на восемьдесят процентов.

А в журнале вызовов висел исходящий звонок. Три часа двадцать минут ночи. Неизвестный номер. Длительность — четыре минуты.

* * *

Он записал в тетради ровным почерком, без наклона:

«Объект Д. Ночь первая. Реакция на ключ — устойчивая. Самостоятельный возврат на место пробуждения — выполнен. Память — чисто. Ночь вторая: проверить отклик на голос по телефону. Результат положительный.

Она прекрасна, когда спит».

Глава 2

Неизвестный номер не отвечал. Механический голос сообщал, что абонент не существует. Дарья набирала его шесть раз за день — между операциями, в лифте, в машине. Потом перестала.

Неделю ничего не происходило.

Она привязывала щиколотку бинтом, ставила телефон на запись, клала под подушку старый диктофон, который нашла в ящике с маминых времён. Просыпалась в своей постели. Запись обрывалась каждую ночь — то через пять минут, то через двадцать. Диктофон молчал. Бинт оставался завязанным.

На восьмую ночь она проснулась от того, что ей холодно.

Не в своей постели. На диване, под клетчатым пледом. В комнате пахло табаком и жареным луком. В углу работал телевизор без звука, показывал рекламу йогурта. За окном было черно. Часы на стене — 4:52.

На полу у дивана, вытянувшись на ковре, спал мужчина. Молодой, лет тридцати пяти, светловолосый, в спортивных штанах и майке. Спал странно: на спине, руки вдоль тела, совершенно неподвижно. Дарья наклонилась и машинально положила два пальца ему на шею.

Пульс был. Медленный, пятьдесят ударов. Слишком медленный для молодого здорового мужика.

Она посмотрела на свои ноги. Босые. Чёрные подошвы. На ней было её собственное платье — серое, домашнее, в котором она ложилась спать. Платье промокло по подолу.

На правой щиколотке — красный след от бинта. Самого бинта не было.

Мужчина на полу шевельнулся, приоткрыл глаза. Мутные, тяжёлые.

— Ты… — Он с трудом выговаривал слова, как после наркоза. — Ты вернулась? Ты сказала, тебе надо… на час…

— Кто вы? — Дарья отступила к двери. — Как я сюда попала?

— Ты постучала. — Он попытался сесть и не смог. — Ночью. Я открыл. Ты стояла… мокрая… сказала… — Он нахмурился, пытаясь вспомнить. — Сказала, что пришла, чтобы я уснул. И я… я сразу…

Глаза у него снова закрылись. Голова мягко откинулась на ковёр.

Дарья проверила пульс ещё раз. Те же пятьдесят. Дыхание ровное. Зрачки — она приподняла веко — сужены, реакция на свет вялая. Похоже на действие седативного. Не смертельная доза. Просто очень крепкий сон.

Она нашла свою куртку на вешалке у двери. Свою. Хотя не помнила, чтобы надевала её. В кармане лежали её ключи и смятый листок — квитанция из круглосуточной аптеки на Шереметьевской. Время — 3:41. Покупка: бутылка воды, 0,5. Оплата наличными.

Она никогда не носила с собой наличные.

* * *

В такси, по дороге домой, Дарья листала новости, просто чтобы не думать. И на третьей странице городской ленты увидела его.

Мужчина в голубой рубашке в мелкую полоску. Улыбается в камеру. Тот самый, с Бутырской.

«Жителя Савёловского района нашли мёртвым в собственной квартире. Илья Горин, 41 год, инженер-проектировщик. Тело обнаружила бывшая жена, приехавшая привезти дочь на выходные. Признаков насильственной смерти не выявлено. По предварительной версии — остановка сердца. Назначена экспертиза».

Дарья смотрела на фотографию. В голове звучал тихий присвист на выдохе. Чужой стиральный порошок с хвоей. Девочка без переднего зуба на берегу моря.

Дочь. Его нашла бывшая жена, когда привезла дочь.

Дарья попросила таксиста остановиться, вышла на обочину, и её вырвало.

* * *

Клинику она нашла сама. Не ту, что советовал Сазонов. Она даже не спросила у него названия. Просто вбила в поиск «сомнолог круглосуточно» и выбрала ту, где на сайте не было улыбающихся людей в белых халатах и слов «индивидуальный подход».

Клиника называлась «Гипнос» и располагалась в старом особняке в Хамовниках. Два этажа, жёлтая штукатурка, тяжёлая дубовая дверь. Внутри было тихо и полутемно, пахло деревом и чем-то травяным. Администратор, пожилая женщина в очках на цепочке, посмотрела на Дарью и, ничего не спрашивая, сказала:

— Марк Аркадьевич примет вас через десять минут. Он как раз свободен.

— Я не записывалась.

— Я вижу, — сказала администратор. — Садитесь.

Марк Ильин оказался не таким, каким она ожидала увидеть врача. Ни очков, ни бороды, ни благообразной седины. Высокий, широкоплечий, в тёмном свитере с закатанными до локтей рукавами. Волосы тёмные, с одной седой прядью над левым виском, словно кто-то провёл по ним кистью. Крупные руки с длинными пальцами. Глаза почти чёрные, тяжёлые, очень внимательные. От него пахло табаком и старой бумагой.

Он не сел за стол. Сел в кресло напротив неё, в полуметре, и положил руки на колени. Ни блокнота, ни ручки.

— Рассказывайте, — сказал он. — С начала. Не торопитесь.

* * *

Запись сеанса № 1. Пациент: Ветрова Д. А., 34 года. Номер карты: 47.

И.: Когда это началось?

В.: Двенадцать дней назад. Нет. Я не знаю, когда началось. Двенадцать дней назад я впервые проснулась не дома.

И.: Раньше бывало, что вы находили вещи не на своих местах? Не помнили, как оказались где-то?

В.: Нет.

И.: Подумайте.

(Пауза, 14 секунд.)

В.: Иногда я находила дома чистую посуду. Хотя не помнила, чтобы мыла. Думала — устала, забыла. Я много работаю.

И.: Как давно?

В.: Месяца три. Может, четыре.

И.: Ваша мать страдала снохождением.

В.: Откуда вы знаете?

И.: Вы трижды за десять минут коснулись запястья, когда говорили «наследственное». Люди трогают то место, где болит. Кроме того, вы хирург, вы знаете диагноз и боитесь его не за себя. Вы боитесь его как дочь.

(Пауза, 31 секунда.)

В.: Она упала с балкона. Во сне.

И.: Мне очень жаль.

В.: Не надо. Скажите мне честно. Это оно? То же самое?

И.: Нет.

В.: Вы не можете знать.

И.: Могу. Сомнамбулы не ездят через полгорода. Не стучатся к незнакомым людям. Не покупают воду за наличные в аптеке и не возвращаются в ту же квартиру, чтобы проснуться в постели. Сомнамбулизм — это автоматизм. Простые, заученные действия: дойти до кухни,

открыть холодильник, сесть на подоконник. Ваше поведение — это не автоматизм. Это сценарий.

В.: Чей сценарий?

И.: Это мы и выясним.

* * *

Он предложил ей полисомнографию. Ночь в клинике, под наблюдением, с датчиками. Дарья согласилась сразу. Ей было всё равно где спать, лишь бы не дома, не одной.

Палата для сна была на втором этаже. Маленькая, тёмная, с узкой кроватью, креслом и большим зеркалом на стене. Зеркало, как она поняла, было прозрачным с другой стороны. Там, в соседней комнате, будет сидеть он.

Марк сам крепил ей датчики. На виски, на лоб, за ухо, на подбородок. Потом на грудь, поверх тонкой больничной рубашки. Он делал это медленно, сосредоточенно, и каждый раз, когда его пальцы касались её кожи, Дарья чувствовала, какие они тёплые. Неожиданно тёплые, почти горячие, хотя в палате было прохладно.

Она смотрела на его лицо совсем близко. На седую прядь. На тень от ресниц. На губы, сжатые от сосредоточенности.

Ей вдруг стало неловко. И жарко.

Она двенадцать лет не замечала мужчин. Не потому что не хотела — потому что некогда. Операции, дежурства, отчёты. Последний роман закончился, когда она была ординатором, и закончился плохо. С тех пор ей хватало работы.

А сейчас она лежала с проводами на голове в клинике для людей с проблемами сна, рядом с мужчиной, которого знала полтора часа. И не могла отвести взгляд от его рук.

Он закрепил последний датчик у неё на запястье. Задержал пальцы на пульсе на секунду дольше, чем нужно.

— Сто двенадцать, — сказал он, не поднимая глаз. — Вы нервничаете.

— Немного.

— Из-за проводов?

Она промолчала. Он поднял глаза. Они смотрели друг на друга, может быть, две секунды. Потом он отпустил её запястье и выпрямился.

— Я буду за стеклом всю ночь, — сказал он. — Если что-то случится — я рядом. Спите.

— Вы уверены, что я усну? После всего?

— Уснёте. Тело всегда берёт своё. — Он выключил свет у двери. — Спокойной ночи, Дарья Андреевна.

* * *

Она уснула в начале второго. Марк сидел в комнате наблюдения перед мониторами и смотрел на кривые. Альфа-ритм, затухание, первая стадия, вторая. Сонные веретёна. Глубокий сон. Всё как в учебнике.

В 3:12 начались странности. Энцефалограмма показывала глубокий медленный сон, третью стадию, ту, в которой человека не разбудишь даже окриком. А потом поверх медленных волн вдруг пошёл альфа-ритм — как у человека, который лежит с закрытыми глазами, но не спит. Медленные волны при этом никуда не делись. Мозг просыпался не целиком, а кусками: то, что управляет телом, уже включилось, а то, что отвечает за сознание и память, продолжало спать. Марк видел такие записи у лунатиков сотни раз. Но обычно они длятся секунды. Эта не заканчивалась.

Марк придвинулся к стеклу.

В 3:17 Дарья села на кровати. Плавно, без усилия, будто её потянули за невидимую нитку. Открыла глаза. Свесила ноги на пол.

И тихо, ровно, как молитву, сказала в пустую палату:

— Я пришла, чтобы ты уснул.

Марк не двигался. Он видел сотни сомнамбул. Детей, которые ходили во сне к холодильнику. Мужчин, которые во сне пытались выйти в окно. Женщину, которая каждую ночь в одно и то же время садилась за пианино и играла одну и ту же пьесу, ни разу не сбившись. Он думал, что его уже ничем не удивишь.

Дарья медленно повернула голову. И посмотрела прямо в зеркало. Прямо на него, сквозь стекло, которое с её стороны было непрозрачным.

Её губы шевельнулись. Голос был тот же, её, но интонация — чужая. Мужская. Спокойная, вежливая, чуть насмешливая.

— Доктор, — сказала Дарья. — Не мешайте. Она не ваша.

Потом она легла, закрыла глаза и через несколько секунд её дыхание снова стало ровным, глубоким, спокойным. Кривые на мониторе вернулись к медленному сну.

Марк Ильин просидел перед стеклом до утра.

В семь, когда Дарья проснулась и, растрёпанная, сонная, спросила, было ли что-нибудь ночью, он сказал: «Кое-что было. Нам нужно поговорить». И пошёл варить ей кофе.

Но перед этим, пока она умывалась, он трижды перемотал запись на 3:17. И трижды остановил её на одном и том же кадре. На лице спящей женщины, которая смотрела в камеру чужими глазами.

Глава 3

Она смотрела запись трижды. Как и он.

В первый раз — не отрываясь, с застывшим лицом, вцепившись в край стола. Во второй — закрыв рот ладонью. В третий раз, на словах «Она не ваша», Дарья встала, отошла к окну и встала спиной к монитору.

За окном кабинета была мокрая липа, голые ветки, кусок серого неба над Хамовниками. Дождь опять собирался и никак не мог собраться.

— Это не мой голос, — сказала она наконец.

— Это ваш голос, — сказал Марк. — Связки ваши. А интонация чужая. Так говорит человек, который привык, что его слушаются.

— Вы хотите сказать, во мне кто-то… живёт?

— Нет. — Он покачал головой. — Я не верю в одержимость, Дарья Андреевна. Есть такая вещь — постгипнотическое внушение. Слово, жест, мелодия, и человек выполняет инструкцию, не помня, откуда она взялась. Но в учебниках оно держится часы, редко дни. И заставить человека сделать то, чего он по-настоящему не хочет, им нельзя. Это я вам как врач говорю. А у вас месяцы, сложные маршруты, чужие квартиры. — Он помолчал. — Значит, кто-то нашёл способ, которого в учебниках нет. И мне это очень не нравится.

— Это из кино.

— В кино это преувеличивают. А в жизни недооценивают. — Он помолчал. — Вы сказали, что находили чистую посуду три-четыре месяца. Значит, кто-то работает с вами как минимум столько. Не одну ночь. Долго, терпеливо, слой за слоем. Посуда — это проверка. Вымой — и забудь. Потом — выйди из дома и вернись. Потом — найди нужную квартиру.

Дарья повернулась к нему.

— Но я ни у кого не была в трансе. Я не хожу к гипнотизёрам, к экстрасенсам, к психотерапевтам. Я хожу на работу и домой.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

Он смотрел на неё своими тяжёлыми чёрными глазами и ничего не говорил. Дарья вдруг почувствовала, как под этим взглядом её уверенность начинает шататься, как плохо закреплённая конструкция.

— Я хочу попробовать гипноз, — сказал Марк. — Не внушение. Наоборот. Вернуться туда, где пустота. В ту ночь на Бутырской. Посмотреть, что там осталось. Память не стирается полностью, Дарья. Она прячется. Иногда достаточно правильно спросить.

«Дарья». Без отчества. Она заметила. Он, кажется, нет.

— А если я не вернусь? Оттуда?

— Вернётесь. Я буду держать вас за руку. В прямом смысле. — Он чуть улыбнулся. — Это важно. Тело должно знать, где оно.

* * *

Запись сеанса № 2. Пациент: Ветрова Д. А. Гипнотическое погружение, техника Эриксона, модифицированная. Время начала: 11:20.

И.: Вы на лестнице. Ступени вниз, мягкие, тёплые. Каждая ступень — глубже. Десять. Девять. Вы чувствуете мою руку?

В.: Да.

И.: Восемь. Семь. Всё тяжелее, всё спокойнее. Шесть. Пять. Вы в безопасности. Четыре. Три. Два. Один. Вы внизу. Где вы?

В.: (пауза, 8 секунд) Кухня. Моя кухня. Чай с мятой.

И.: Вечер?

В.: Вечер. Сериал. Мне скучно. Я хочу спать.

И.: Вы ложитесь.

В.: Ложусь. Холодная подушка. Телефон на тумбочке.

И.: Что дальше?

В.: (пауза, 22 секунды) Звонит. Телефон.

И.: Вы отвечаете?

В.: Я сплю. Но он звонит. И я… слышу.

И.: Что вы слышите?

В.: (дыхание учащается) Музыку. Тихо. Без слов. Кто-то… напевает.

И.: Вы знаете эту мелодию?

В.: (пауза, 41 секунда) Знаю. Знаю. Не могу… она на языке… Это…

И.: Не торопитесь. Я здесь.

В.: Потом голос. Мужской. Говорит: «Раз. Два. Три. Ты на балконе, Даша».

И.: Кто называет вас Дашей?

В.: (голос срывается) Мама. Только мама. Больше никто. Больше никто не… Он не имеет права. Он не имеет права так меня называть.

И.: Чей это голос, Дарья?

В.: Я не вижу. Темно. Темно, и я на балконе, и внизу двор, и надо… надо идти…

(Пульс 148. Дыхание поверхностное, частое. Тремор кистей.)

И.: Дарья. Слушайте мой голос. Только мой. Вы чувствуете мою руку?

В.: (плачет) Не отпускайте.

И.: Не отпущу. Один. Два. Три. Ступени вверх. Четыре. Вы поднимаетесь. Пять. Шесть. Светлее. Семь. Восемь. Девять. Десять. Откройте глаза.

Время окончания: 11:47.

* * *

Она открыла глаза и не сразу поняла, где находится. Потолок с лепниной, лампа под зелёным абажуром, запах дерева и табака. И рука. Большая, тёплая, сжимающая её пальцы так крепко, что было почти больно.

Она плакала. Не помнила, когда начала, но лицо было мокрым, и в горле стоял ком.

— Всё, — сказал Марк. — Всё, вы здесь. Вы в клинике. Сейчас без тринадцати двенадцать.

Дарья села. Хотела вытереть лицо и обнаружила, что не может разжать пальцы. Это он держал её руку, или она держала его — непонятно.

— Я слышала мелодию, — сказала она. Голос был хриплый. — Я знаю её. Я её где-то слышала недавно. Совсем недавно. И я не могу вспомнить где.

— Вспомните. Не сразу. Память сама подтолкнёт.

— И он назвал меня Дашей. Так меня звала только мама. Даже отец — Дарья. Даже в детстве.

Марк молчал. Потом сказал осторожно:

— Значит, он знает о вас больше, чем вы думаете. Или знал вашу мать.

Она посмотрела на него. Глаза у неё были красные, тушь размазалась, волосы растрепались. Она вдруг остро почувствовала, как выглядит. И как близко он сидит. На краю кушетки, коленом к её колену. Его ладонь всё ещё лежала поверх её руки.

Он тоже это почувствовал. Она видела, как изменилось его лицо. Он смотрел на её губы.

Дарья не отодвинулась.

Его свободная рука поднялась и стёрла большим пальцем мокрую дорожку с её щеки. Медленно, от виска к подбородку. Палец был горячий. Дарья закрыла глаза. Перестала дышать.

И почувствовала, как его рука исчезла.

Когда она открыла глаза, Марк уже стоял. У окна, спиной к ней, засунув руки в карманы.

— Простите, — сказал он глухо. — Вы моя пациентка. Это… непрофессионально. Это не повторится.

Дарья сидела на кушетке и смотрела ему в спину. Щека горела там, где он касался.

— Хорошо, — сказала она. И сама не поняла, чего в этом слове было больше — облегчения или обиды.

* * *

Домой она вернулась к семи вечера, после смены. Сварила пельмени, которые не стала есть. Долго стояла под душем. Привязала щиколотку бинтом, хотя уже понимала, что это бесполезно. Сунула под подушку диктофон.

В дверь позвонили в половине девятого.

Дарья посмотрела в глазок. На площадке стояли двое. Мужчина в форме — молодой, хмурый. И женщина лет сорока пяти в длинном тёмном пальто, с короткими седыми волосами, острым лицом и такими тенями под глазами, будто она не спала с прошлого года.

Женщина подняла к глазку раскрытое удостоверение.

— Ветрова Дарья Андреевна? Следственный комитет. Майор юстиции Лисицына. Откройте, пожалуйста. Нам нужно поговорить об Илье Горине.

Глава 4

Вера Константиновна Лисицына не спала нормально одиннадцать лет. С того самого дела, о котором никогда не рассказывала. Она давно перестала с этим бороться. Таблетки не помогали, психотерапевты раздражали, алкоголь превращал утро в пытку. Она просто жила так: четыре часа сна, иногда пять, остальное — работа и чёрный кофе.

Ночь она считала своим временем. Ночью люди врут хуже.

Она сидела на кухне у Дарьи Ветровой, не снимая пальто, и смотрела, как та наливает чай. Руки у хирурга не дрожали. Это Лисицына отметила первым делом. Плечи напряжены, глаза красные — недавно плакала, — а руки спокойные. Профессиональное.

— Вы знали Илью Горина? — спросила Лисицына.

— Нет.

— Никогда не видели?

Дарья поставила чайник. Помолчала.

— Видела. Один раз. Я проснулась у него в квартире. Шестнадцать дней назад.

Молодой оперативник у двери, Костя, перестал жевать жвачку.

Лисицына не изменилась в лице. Она двадцать лет слушала признания, и самые странные из них звучали именно так: ровно, буднично, за чаем.

— Рассказывайте, — сказала она.

Дарья рассказала. Всё. Чужой порошок, сложенная одежда, чёрные подошвы. Звонок в 3:20. Квартира светловолосого мужчины, аптечный чек. Клиника, запись, голос. Про мать — коротко, одной фразой.

Лисицына слушала и не перебивала. Когда Дарья закончила, она достала из сумки планшет и положила на стол.

— Камера над подъездом Горина. Первая ночь, о которой вы говорите. Вот вы входите. Час пятьдесят. Волосы мокрые, вы босиком. Обувь держите в руке. Вот выходите — три ноль пять. В его рубашке. Вот возвращаетесь — четыре двадцать девять. Где вы были почти полтора часа?

— Не знаю.

— Таксист видел вас на Бутырской в три семнадцать. Вы шли по разделительной полосе. Сказали ему фразу, после которой он девять ночей не мог уснуть.

Дарья взялась за край стола.

— Какую фразу?

— «Я пришла, чтобы ты уснул».

В кухне стало тихо. Чайник щёлкнул и выключился. Никто не пошевелился.

— А теперь вторая запись, — сказала Лисицына и пролистала дальше. — Ночь с двенадцатого на тринадцатое. Ночь, когда Горин умер. Вот вы снова входите в его подъезд. Два сорок одна. Выходите — три тридцать восемь. Больше не возвращаетесь.

Дарья смотрела на экран. На женщину в сером домашнем платье, босую, с мокрыми волосами. Женщина шла к двери подъезда ровно, не глядя по сторонам. Как по канату.

— Я этого не помню, — сказала Дарья. — Той ночи. У меня оборвалась запись в телефоне. Я проснулась дома. Я думала… я думала, что ничего не было.

— Горин умер в три двадцать, плюс-минус десять минут. Сначала так и записали: остановка сердца, сорок один год, бывает. Дело закрыли бы через неделю. — Лисицына говорила спокойно, без нажима. — А потом пришёл таксист со своей историей, и я попросила эксперта посмотреть ещё раз. Под лупой. Он нашёл след от укола. Крошечный, его легко было пропустить. А в тканях — следы сильнодействующего больничного препарата. Такого, которого не бывает в домашней аптечке и который при обычном вскрытии никто не ищет.

Она посмотрела Дарье в глаза.

— Вы хирург, Дарья Андреевна. Вы знаете, что это за препарат и где его взять.

— Я задержана?

— Нет. Пока вы свидетель. — Лисицына убрала планшет. — Лицо на этой камере видно плохо, она старая. Но таксист опознал вас по фотографии из больничного сайта. Это доказывает, что вы там были. Это не доказывает, что вы убили. Пока.

— Знаю, — сказала Дарья. — В любой операционной. Он у анестезиологов в каждом наборе.

— Вот именно.

* * *

В следственном комитете её продержали до половины второго ночи. Не задерживали, просто разговаривали — по второму, по третьему кругу. Лисицына задавала одни и те же вопросы разными словами и следила за ответами, как за кардиограммой. Дарья отвечала одинаково. Потом попросила позвонить.

Марк приехал через сорок минут. С ноутбуком, папкой распечаток и лицом человека, которого подняли с постели и который не собирается извиняться за свой вид. Свитер наизнанку, волосы торчат.

Он положил ноутбук перед Лисицыной и включил запись из палаты сна.

Лисицына досмотрела до «Она не ваша». Потом перемотала и посмотрела ещё раз. Потом откинулась на стуле и уставилась в стену.

— Вы понимаете, доктор, — сказала она наконец, — что для суда это ничего не значит? Хорошая актриса сыграет то же самое за полчаса репетиций.

— Понимаю. А вы видели полисомнограмму? Кривые? — Марк развернул к ней распечатку. — Вот третья стадия сна. Дельта-волны. Вот здесь она садится и говорит. А мозг продолжает спать. Это нельзя сыграть. Никакая актриса не управляет дельта-ритмом.

Лисицына провела пальцем по кривым на распечатке. Дарья видела, как у неё дёргается уголок рта. То ли усмешка, то ли что-то другое.

— Я не сплю одиннадцать лет, — вдруг сказала Лисицына. — Знаете, что я поняла за это время, доктор? Что ночью люди делают такое, о чём днём не имеют ни малейшего понятия. Ладно. — Она отодвинула распечатку. — Дарья Андреевна, подписка о невыезде. Из Москвы никуда. Телефон не выключать. И мне нужен адрес второго мужчины. Того, светловолосого.

Дарья назвала улицу, которую запомнила по чеку из аптеки. Номер дома не помнила, но описала: девятиэтажка, синий подъезд, рядом шиномонтаж.

Через час Костя доложил: Кольцов Вадим Сергеевич, тридцать шесть лет, проживает один. Жив. Спит. Злой, что разбудили. Ничего не помнит, кроме «бабы мокрой, которая что-то сказала». Работает… Костя заглянул в бумажку. Работал. Медбрат-анестезист. Уволился четыре месяца назад из Первой градской.

Дарья подняла голову.

Лисицына заметила.

— Знаете его?

— Нет. Не помню. У нас много медбратьев. — Дарья помолчала. — Четыре месяца назад.

— Что — четыре месяца назад?

— Не знаю. Мне просто кажется, что это важно.

Лисицына поставила у подъезда Кольцова машину с двумя операми. На всю ночь.

* * *

Домой Дарью отвёз Марк. Она сидела в машине, смотрела на пустую ночную Москву и не могла заставить себя выйти, когда он остановился у её подъезда.

— Я не могу там спать одна, — сказала она. — Я не знаю, куда пойду. Кого найду. Я боюсь закрыть глаза.

Он молчал.

— Останьтесь, — сказала Дарья. — Как врач. Посидите в кресле. Если я встану — разбудите. Пожалуйста.

Он побарабанил пальцами по рулю. Потом заглушил мотор.

Квартира у неё была маленькая, однокомнатная, заставленная книгами. Марк сел в кресло у окна, в темноте. Дарья легла, не раздеваясь, под одеяло. Привязала щиколотку — он видел и ничего не сказал.

Она думала, что не уснёт. Уснула через десять минут.

Проснулась сама. Без звонка, без голоса. Просто открыла глаза в темноте и поняла, что не знает, сколько времени.

Марк сидел в кресле. Не спал. Свет уличного фонаря падал ему на лицо, на седую прядь, на тёмные глаза, которые смотрели на неё.

— Сколько? — шёпотом спросила Дарья.

— Без двадцати четыре. Вы спали. Не вставали, не говорили. Только один раз улыбнулись.

— Чему?

— Не знаю. Мне бы очень хотелось знать.

Они молчали. За окном проехала поливалка, шумно, с мигалкой. Дарья развязала бинт на щиколотке и села на край кровати.

— Вы так и не легли.

— Я обещал.

— Почему вы ушли из судебной психиатрии? — вдруг спросила она. — Я посмотрела про вас. Вы работали в Сербского. Десять лет. А потом открыли маленькую клинику для тех, кто плохо спит.

Он потёр седую прядь над виском — она уже знала этот жест.

— Потому что однажды я ввёл в транс свидетеля. Женщину. Хотел помочь ей вспомнить лицо преступника. Задавал вопросы. Слишком настойчиво. Она вспомнила лицо. Подробно, уверенно. По её описанию арестовали человека. А через полгода нашли настоящего убийцу. Она вспомнила не то, что видела, а то, что я ей подсказал. Сам того не желая. Интонацией, порядком вопросов. — Он помолчал. — Тот человек полгода просидел в СИЗО. Его жена ушла. Он вышел другим. Я больше не работаю со свидетелями.

Дарья встала. Подошла к креслу. Он смотрел на неё снизу вверх.

— Вы боитесь, что внушите мне что-нибудь, — сказала она.

— Я боюсь, что вы не сможете отличить, где ваше желание, а где моё влияние. Вы в уязвимом состоянии. Я ваш врач. Всё, что вы сейчас чувствуете, может быть переносом. Это нормально. Это проходит.

— А если не пройдёт?

Он не ответил.

Дарья наклонилась и поцеловала его. Сама. Полностью проснувшись, при включённом сознании, в собственной квартире, в без двадцати четыре утра.

Он ответил не сразу. Секунду, две был неподвижен. А потом его ладонь легла ей на затылок, в волосы, и он поцеловал её так, что у неё подкосились колени. Медленно, глубоко, жадно, как человек, который очень долго запрещал себе пить. Она оказалась у него на коленях, не понимая как. Его руки скользнули по её спине, под свитер, по голой коже. Горячие. Она выгнулась навстречу.

Он остановился. Оторвался от её губ, прижался лбом к её лбу. Дышал тяжело.

— Нет, — сказал он хрипло. — Не так. Не пока вы моя пациентка. Не пока вы под подозрением. Не пока вы не знаете, кто копается у вас в голове. Если я сейчас… я буду не лучше него.

— Тогда перестань быть моим врачом, — прошептала Дарья.

Он закрыл глаза.

— Найду тебе другого. Завтра.

Она засмеялась ему в шею, сквозь слёзы, сама не понимая, от чего.

Они так и просидели в кресле до рассвета. Она — у него на коленях, укрытая пледом, он — обнимая её и глядя в окно. Больше ничего не было. Это было почему-то важнее, чем если бы было.

В семь утра позвонила Лисицына.

— Кольцов умер, — сказала она без предисловий. — В три двадцать. Мои ребята сидели у подъезда всю ночь. Никто не входил. Никто не выходил. Утром он не открыл, взломали дверь. Лежит на полу, на ковре. За левым ухом — след от иглы. — Она помолчала. — У этого дома общий чердак на три подъезда. Я поняла это в восемь утра. На пять часов позже, чем надо было.

Дарья держала телефон и смотрела на Марка. Он слышал каждое слово.

— Где вы были в три двадцать, Дарья Андреевна?

— Дома. С доктором Ильиным. Мы не спали. Оба.

В трубке щёлкнула зажигалка.

— Значит, у вас алиби, — сказала наконец Лисицына. — Знаете, что самое плохое? Это пугает меня гораздо больше, чем если бы его не было.

Глава 5

Четыре месяца назад.

Дарья повторяла эти слова всю дорогу до больницы, как заклинание. Четыре месяца назад уволился Кольцов. Четыре месяца назад начала появляться чистая посуда. Что ещё было четыре месяца назад?

Она знала ответ. Знала с той секунды, как Костя прочитал по бумажке «медбрат-анестезист». Просто не хотела в это заглядывать. Как в рану, которую боишься открыть, потому что знаешь, что под повязкой.

В архиве отделения пахло пылью и старым картоном. Архивариус, тётя Галя, которая работала здесь, кажется, со времён постройки корпуса, выдала ей журнал операций за июнь без единого вопроса.

Дарья нашла запись за четыре минуты.

14 июня. Операционная № 3. Горина Анна Сергеевна, 38 лет. Закрытый перелом латеральной лодыжки со смещением. Открытая репозиция, остеосинтез пластиной. Хирург — Ветрова Д. А. Ассистент — Мельников Г. Р. Анестезиолог — Сазонов Р. П. Медбрат-анестезист — Кольцов В. С. Операционная сестра — Тихонова Л. В.

Осложнение: анафилактический шок на этапе вводного наркоза. Реанимационные мероприятия — 47 минут. Без эффекта. Летальный исход в 10:52.

Дарья закрыла журнал. Посидела. Открыла снова.

Она помнила этот день. Конечно, помнила. Анна Горина, учительница начальных классов, сломала ногу, поскользнувшись в ванной. Улыбчивая, болтливая, всё переживала, что дети без неё распустятся. Шутила перед операцией, что ей не страшно, потому что доктор такая молодая и красивая.

Дарья даже не успела взять скальпель. Сазонов ввёл препараты, и через две минуты у Анны упало давление, отекло горло, пошла сыпь по груди. Анафилаксия. Бывает. Один случай на десятки тысяч. Они делали всё, что положено. Адреналин, трубка, массаж сердца. Сорок семь минут. Дарья качала грудную клетку сама, пока не заболели руки, пока Сазонов не взял её за плечи и не сказал тихо: «Всё. Даша, всё».

Даша.

Она сидела в архиве с журналом на коленях и не могла вдохнуть.

«Даша. Всё». Она тогда не обратила внимания. Шок, усталость, мёртвая женщина на столе. Потом комиссия, разбор, заключение: непредсказуемая индивидуальная реакция, вины медперсонала нет. Она подписала. Все подписали.

Горина. Илья Горин. Брат? Муж?

Она нашла в интернете за две минуты. Старая страничка в соцсети. Анна Горина, учитель. На аватарке — она и мужчина в голубой рубашке, оба смеются. Подпись: «С любимым братом на его днюхе».

Илья Горин писал жалобы. Это Дарья тоже вспомнила теперь — смутно, как через стекло. В июле главврач вызывал её, показывал письмо. Брат погибшей требовал повторной экспертизы, записи с камер операционной, допроса всех участников. Главврач сказал: не переживайте, обычная реакция родственников, через месяц успокоится.

Не успокоился. Его убили.

Кольцов, медбрат-анестезист, уволился через неделю после операции. Его тоже убили.

Остались трое. Мельников, молодой ординатор, который в тот день стоял на крючках и, кажется, даже не понял, что произошло. Тихонова. Сазонов.

И она сама.

* * *

В коридоре она столкнулась с Сазоновым. Буквально — вылетела из-за угла, и он поймал её за плечи, как тогда, в операционной.

— Даша? — Он смотрел на неё встревоженно. — Что случилось? На тебе лица нет.

Дарья смотрела на него и чувствовала, как всё внутри кричит, требует рассказать хоть кому-то. Кому-то своему. Тому, кто был там в тот день.

— Роман Петрович. Вы помните Горину? В июне?

Он перестал улыбаться. Медленно отпустил её плечи.

— Помню. Конечно. Такое не забывается.

— Её брата убили. Илью Горина. И Кольцова. Вадима, который у вас был анестезистом. Обоих. Одним способом.

Она видела, как он бледнеет. Как дёргается кадык. Как он оглядывается на пустой коридор и тянет её в ординаторскую, закрывает дверь.

— Рассказывай.

Она рассказала. Не всё. Про ночи, про себя — нет. Только про операцию, про брата, про Кольцова. Про то, что из той операционной остались четверо.

Сазонов слушал, сцепив руки на колене. Лицо у него было серое.

— Господи, — сказал он тихо. — Господи. Даша, ты понимаешь, что это значит? Кто-то… кто-то мстит за неё. За Анну. Кто-то считает, что мы виноваты.

— Или кто-то убирает свидетелей.

— Свидетелей чего? — Он посмотрел на неё с искренним недоумением. — Там нечего было скрывать. Анафилаксия. Ты сама видела. Мы делали всё, что могли.

— Не знаю, — сказала Дарья. — Я ничего не знаю.

Он сцепил пальцы на колене, расцепил. Потом поднял на неё глаза — светлые, серо-голубые, полные тревоги.

— Тихонова, — сказал он. — Люба. Её надо предупредить. Немедленно. Она одна живёт, в Медведкове. Давай я отвезу тебя.

— Я позвоню следователю.

— Конечно. — Он кивнул. — Конечно, звони. Правильно. — Помолчал. — Даша. Я с тобой, слышишь? Что бы ни было. Ты не одна.

Он встал, сварил ей кофе в ординаторской. Чёрный, без сахара, с щепоткой соли. Поставил перед ней и вышел, тихо прикрыв дверь.

Дарья смотрела на кружку. Потом на дверь. Потом снова на кружку.

Она не знала, почему не стала пить. Просто не стала. Вылила в раковину и долго мыла кружку под горячей водой.

* * *

Любовь Тихонова открыла дверь только после того, как Лисицына трижды показала в глазок удостоверение. Маленькая, полная женщина пятидесяти пяти лет в застиранном халате, с бигуди под косынкой. В квартире пахло корвалолом и котом.

Она увидела за спиной Лисицыной Дарью и отступила на шаг.

— Дарья Андреевна… Вы зачем… Вы с ними?

— Любовь Васильевна, — сказала Дарья мягко. — Илья Горин умер. И Вадим Кольцов. Мы пришли, потому что боимся за вас.

Тихонова схватилась за сердце и села на табуретку в прихожей. Кот, огромный и рыжий, подошёл и потёрся о её ногу.

— Я знала, — сказала она. — Знала, что так будет. Вадик мне звонил месяц назад. Сказал: Люба, ты только молчи, никому, слышишь, а то и нас…

— Молчать о чём? — спросила Лисицына.

Тихонова посмотрела на Дарью. Долго, как будто решала, можно ли.

— Об ампуле, — сказала она. — В тот день. Когда Анну эту… когда всё началось, все к ней бросились. А я убирала столик, у меня руки сами делают, тридцать лет в операционной. И увидела в лотке пустую ампулу. Не ту. Не из нашего набора. Маркировка другая. Я её взяла посмотреть, а потом… потом испугалась и бросила обратно. А когда после всего вернулась — лоток был пустой. Кто-то убрал.

— Какая была маркировка? — спросила Дарья.

— Не помню я. Латиница, иностранная. Не наша. — Тихонова вытерла глаза краем косынки. — Я Вадику сказала. Вадик побледнел и сказал: молчи. И уволился через неделю. А мне куда увольняться? Мне пятьдесят пять, кому я нужна.

— Кто вводил препараты? — спросила Лисицына.

— Анестезиолог. Кто же ещё. А Вадик готовил. Набирал по списку.

Дарья машинально нашла пальцами пульс у себя на запястье. Сто двадцать.

Лисицына записала всё. Вызвала машину. Сказала Тихоновой собирать вещи: на неделю, к сестре в Подольск, под охрану. Кота тоже можно. Тихонова плакала и складывала в сумку халаты, лекарства, кошачий корм.

Уже в машине, на обратном пути, Лисицына сказала, глядя на дорогу:

— Сазонов, значит.

— Я не знаю, — сказала Дарья.

— Знаете. Вы просто не хотите. Он вам нравится. Он всем нравится. — Лисицына помолчала. — Мне тоже такие нравятся. Я однажды такому очень долго верила. Одиннадцать лет назад.

Она не стала продолжать. Дарья не стала спрашивать.

— Против него ничего нет, — сказала Лисицына через минуту. — Пустая ампула, которую никто не видел, кроме напуганной операционной сестры. Комиссия, которая всё подписала. Два мертвеца, которые умерли, когда у него, держу пари, будет железное алиби. И вы. Женщина, которая ходит по ночам к этим мертвецам. Если я завтра приду к нему, у меня будет на руках только ваш сон.

* * *

Вечером Марк позвонил ей и сказал, что нашёл ей нового врача. Хорошего сомнолога, Ирину Леонидовну, в клинике на Пироговке. Она возьмёт её с понедельника.

— А ты? — спросила Дарья.

— А я теперь не твой врач, — сказал он. В трубке помолчали. — Я теперь просто человек, который хочет понять, кто это с тобой делает. И я кое-что нашёл.

— Что?

— Не по телефону. Приезжай завтра в клинику. В десять. Мне нужно провести ещё один сеанс. Последний. Как другу, не как врачу.

— Это разве не то же самое?

— Нет, — сказал Марк. — Совсем не то же самое.

* * *

Тетрадь. Ровный почерк, без наклона.

«Тихонова — увезли. Неважно. Она ничего не знает, кроме ампулы. Ампулы нет.

Объект Д. не выпила кофе. Впервые за пять месяцев. Значит, начала догадываться. Значит, пора ускорять.

Доктор Ильин мешает. Он слишком хорош. Он опасен.

Объект Д. сама уберёт помеху. Так будет правильно. Так будет красиво.

Ночь двенадцатая. Колыбельная».

Глава 6

На столе в кабинете Марка лежала тонкая книжка в синей обложке. Автореферат диссертации. Бумага пожелтела, уголки загнулись.

«Суггестивные техники в состоянии медикаментозной седации при лечении парасомний». Москва, 2012 год. Научно-исследовательский институт, название которого Дарья знала: там был отдел сомнологии, который закрыли лет десять назад после какого-то скандала.

— Я искал всё, что есть про внушение на грани наркоза, — сказал Марк. Он стоял у окна, с кружкой, и не садился. — Потому что гипноз сам по себе так не работает. Он не держится месяцами и не гонит человека через полгорода. Значит, было что-то ещё. Внушение закладывали в особом состоянии — в первые минуты седации, когда человек уже не в сознании, но ещё слышит. В сумерках.

Дарья смотрела на обложку.

— Кто автор?

— Здесь только научный руководитель и соискатель. — Марк перевернул книжку. — Соискателя зовут Р. П. Сазонов.

Она не удивилась. Это было самое странное. Она ждала, что внутри что-то оборвётся, но внутри было пусто и холодно, как в операционной перед началом смены. Будто она давно уже знала. Будто какая-то её часть знала с первого утра на Бутырской.

— Здесь описано исследование, — продолжал Марк. — Двенадцать пациентов с хроническим сомнамбулизмом. Им под лёгкой седацией давали внушение: «Ты проснёшься, если встанешь с постели». Плюс звуковой якорь — мелодия, которую им включали во время сеансов. Идея была в том, чтобы мелодия по ночам останавливала приступ. Результаты, по реферату, отличные. А потом — тишина. Диссертация защищена, исследование закрыто, отдел через два года расформировали.

— Двенадцать пациентов, — повторила Дарья.

— Списка здесь нет. Только инициалы и возраст. — Он открыл нужную страницу и положил перед ней палец. — Пациентка номер семь. Женщина, сорок шесть лет. Инициалы — Н. В.

Надежда Ветрова. Сорок шесть. Через год, в сорок семь, мама упала с балкона.

Марк положил рядом ещё один листок. Результат анализа волос: ещё в ночь первого допроса Лисицына по его просьбе отправила прядь Дарьи в лабораторию судебной химии. Волос растёт примерно на сантиметр в месяц и хранит всё, что было в крови.

«Обнаружены следы психоактивного вещества. Равномерно по длине пряди, начиная с участка, соответствующего маю».

Дарья понимала, что это значит. Такие вещества в больнице хранят под замком. Они снимают критичность, делают человека послушным и стирают память о часах, проведённых под их действием.

— Кофе, — сказала она. — С щепоткой соли.

— Каждую смену. Пять месяцев. — Марк кивнул. — Препарат снимал защиту. Седация в мае закрепила внушение. Мелодия запускала. По отдельности ничего из этого не работает. Вместе — вот так. — Он помолчал. — А вчера ты вылила его кофе в раковину. Значит, сейчас он держит тебя слабее, чем держал. Это наш шанс.

* * *

— Ты хотел провести сеанс, — сказала Дарья. Голос был хриплый. — Давай. Сейчас.

— Ты уверена? Ты в шоке.

— Я хирург. Я всегда в шоке. Давай.

Он сел рядом с ней на кушетку и взял её за руку.

* * *

Запись сеанса № 3. Неофициальный. Ветрова Д. А.

И.: Ступени вниз. Ты знаешь дорогу. Десять. Девять. Восемь… Один. Ты внизу. Где ты?

В.: (пауза, 19 секунд) В больнице. В нашей. Пятый этаж, малая операционная.

И.: Когда?

В.: Май. Конец мая. Я лежу на столе. Мне удаляют… родинку. На спине. Ерунда, пять минут. Можно под местной. Но он сказал — зачем мучиться, сделаю тебе лёгкую седацию, по дружбе. Будешь спать, как котёнок.

И.: Кто сказал?

В.: Роман. Роман Петрович. (Пауза.) Он стоит у изголовья. Капельница. Холодно в руке. Он говорит: считай до десяти, Даша. Раз. Два. Я засыпаю… и не засыпаю.

И.: Что ты слышишь?

В.: Он напевает. Тихо. Близко, у самого уха. (Пауза. Начинает напевать — мелодия без слов, на одной ноте, восемь тактов, повторяется.)

И.: Ты знаешь эту мелодию?

В.: (продолжает напевать, потом обрывает. Голос меняется, становится детским) Мама. Мама на балконе. Сидит на перилах, ноги наружу. И поёт. Вот это. Это. Мама, слезай, мама, пожалуйста, я боюсь…

(Пульс 152. Плачет.)

И.: Даша. Ты в безопасности. Ты в клинике. Ты чувствуешь мою руку?

В.: (сквозь слёзы) Он пел ей. Он пел то же самое. Он пел ей, а потом она упала. А потом он пел мне.

И.: Один. Два. Три. Вверх. Четыре. Пять…

* * *

Она выбралась из транса, задыхаясь, как из воды. Вскочила, оттолкнула его руку, отошла к стене и стояла там, прижав ладони ко рту.

Марк не подходил. Ждал.

Когда она смогла говорить, первое, что сказала:

— Мне нужно позвонить тёте.

Тётя Лида, мамина младшая сестра, жила в Калуге и звонков от племянницы не ждала: они созванивались два раза в год, на Новый год и на мамину годовщину. Она взяла трубку после второго гудка и сразу испугалась.

— Дашенька? Что случилось?

— Тётя Лида. Маму когда-нибудь лечили в институте? Года за два до… до всего. Какое-нибудь исследование, со сном.

Тётя Лида вздохнула так, что зашуршала трубка.

— Лечили, — сказала тётя Лида наконец. — А ты откуда знаешь? Она тебе не говорила, ты ж в институте тогда училась, в общежитии жила. Она стеснялась. Её позвали в какую-то программу, бесплатно. Она полгода туда ездила, два раза в неделю. Говорила, ей там очень хорошо. Говорила, приступы прекратились совсем.

— Кто её лечил?

— Молодой доктор. Ой, как его… Рома. Она его всё «Ромочка» называла. Такой внимательный, говорила, такой ласковый. Колыбельные ей ставил, говорил, это новый метод. Она даже мне напевала одну. — Тётя Лида помолчала. — Даш. А почему ты спрашиваешь? Через год после этой программы она… ну, ты знаешь. Я тогда ещё подумала: вот, говорили, прекратились приступы, а оно вон как.

Дарья опустила телефон. Тётя Лида ещё что-то говорила в трубке, тонко, встревоженно. Марк осторожно забрал у неё телефон, сказал в трубку: «Простите, Лидия… Дарья перезвонит», — и отключился.

— Он убил мою мать, — сказала Дарья. Очень спокойно. — Он ставил на ней опыты. Она была пациентка номер семь. А потом она упала. А потом через тринадцать лет он нашёл меня. Дочь пациентки номер семь. И начал всё заново.

— Мы этого пока не знаем.

— Я знаю.

Марк подошёл. Обнял её. Сначала она стояла как деревянная, потом что-то сломалось, и она заплакала — так, как не плакала ни на похоронах матери, ни после смерти Анны Гориной на её столе, ни в ту ночь, когда проснулась у чужого мужчины. Громко, некрасиво, навзрыд, цепляясь за его свитер.

Он держал её. Не говорил ничего. Просто держал, пока она не затихла.

* * *

Она позвонила Лисицыной. Лисицына выслушала, помолчала и сказала, что приедет утром, что Сазонова пока трогать нельзя, что с одной диссертацией и словами тёти из Калуги в прокуратуру не пойдёшь. Но что она начинает копать. Всерьёз. И что Дарье сегодня ночью лучше быть не одной.

— Я у доктора Ильина, — сказала Дарья.

— Хорошо, — сказала Лисицына. — Пусть не спит.

Квартира у Марка была над клиникой, на втором этаже особняка. Две комнаты, книги до потолка, старый паркет, кресло у окна с вытертыми подлокотниками. На стене висела чёрно-белая фотография: женщина у моря, светлое платье, ветер в волосах.

— Мама, — сказал Марк, заметив её взгляд. — Она умерла, когда мне было пятнадцать. Ей не спалось. Последние два года вообще. Я тогда и решил, что буду этим заниматься.

Дарья смотрела на фотографию. Потом на него.

— Ты больше не мой врач.

— Не твой.

— Ирина Леонидовна. Пироговка. С понедельника.

— С понедельника.

— А сегодня пятница.

Он не ответил. Только смотрел на неё. И она увидела в его тёмных глазах то же самое, что было в ту ночь в кресле, когда он остановился. Только сейчас он не собирался останавливаться.

Она подошла первой. Как тогда. Взяла его лицо в ладони, провела большим пальцем по седой пряди над виском — она давно хотела это сделать. Он закрыл глаза.

— Я не сплю, — сказала она тихо. — Я здесь. Я знаю, кто я и чего хочу. Это я. Не он.

— Я знаю, — сказал Марк. — Я вижу.

Он поцеловал её — медленно, осторожно, как будто давал ей время передумать. Она не передумала. Свитер, рубашка, пуговицы, которые не хотели расстёгиваться. Его горячие ладони на её спине, на рёбрах, на бёдрах. Старый паркет скрипел под ногами. Они так и не дошли до спальни. Кресло у окна оказалось ближе.

Она запомнила всё. Каждую секунду. Его дыхание у своего уха. Тяжесть его тела. Свой голос, который она не узнавала. Свет фонаря на потолке. Его руку, сжимающую её запястье — там, где бьётся пульс. Она смеялась и плакала, и он целовал её мокрые глаза.

Впервые за много недель она ничего не забыла.

Потом они лежали на его кровати, в темноте, под тяжёлым одеялом. Она — на его плече. Он — гладя её волосы.

— Не засыпай, — сказала она сонно. — Лисицына сказала, тебе нельзя спать.

— Не буду.

— И телефон мой… выключи. Я забыла.

— Выключу.

Он встал, нашёл её сумку на полу в гостиной, достал телефон. Нажал кнопку. Экран погас.

Он не знал, что у Дарьи два телефона. Рабочий, больничный, она всегда носила в кармане куртки. Для экстренных вызовов. Он никогда не выключался.

Куртка висела в прихожей.

Марк вернулся в спальню, лёг рядом с ней поверх одеяла и стал смотреть в потолок. Он собирался не спать до утра.

В половине третьего его глаза закрылись сами.

Глава 7

В прихожей коротко завибрировал телефон. Глухо, сквозь ткань куртки. Один раз, второй.

Дарья открыла глаза.

Она не проснулась — она это потом объясняла Лисицыной и не могла объяснить. Глаза открылись, тело село на кровати, ноги нашли пол. А её самой внутри не было. Будто кто-то другой взял её тело взаймы и повёл, как ведут лошадь под уздцы.

Она прошла по тёмному коридору. Паркет под босыми ногами не скрипнул: она шла по краю, у самой стены, где доски лежали плотнее. Откуда она это знала — она, которая впервые была в этой квартире?

Рука нашла в кармане куртки телефон. Палец нажал на зелёный круг. Телефон поднялся к уху.

Сначала было тихо. Потом — мелодия. Восемь тактов, на одной ноте, без слов. Тихо, близко, будто поют в самое ухо.

Потом голос. Мягкий, ласковый, такой знакомый.

— Раз. Два. Три. Ты на балконе, Даша. Слушай меня. Доктор мешает. Доктор плохой. Он хочет забрать тебя у меня. Помоги ему уснуть. В левом кармане. Как я тебя учил. За ухом, Даша. Тихо и быстро. А потом приходи ко мне. Я жду.

Телефон опустился на полку у зеркала. Экраном вниз. Звонок не прервался.

Левая рука скользнула в другой карман куртки. Там, где Дарья никогда ничего не носила. Пальцы нащупали гладкий пластик. Шприц. Тонкая игла под колпачком. Внутри — прозрачная жидкость.

Когда он туда попал? Утром, в ординаторской, когда Сазонов ставил перед ней кофе и обнимал за плечи? Неделю назад? Месяц? Дарья внутри своего тела не знала. Дарья внутри своего тела вообще ничего не знала. Она шла обратно по коридору, у самой стены, и большим пальцем снимала колпачок с иглы.

* * *

Марк потом не мог сказать, что его разбудило. Не звук. Скорее, изменение воздуха. Будто в комнате стало на один градус холоднее.

Он открыл глаза.

Дарья стояла над ним. Совсем близко, у изголовья, наклонившись. Свет уличного фонаря падал на её лицо, на голые плечи, на распущенные волосы. Глаза открыты. Пустые. Как в ту ночь в палате, за стеклом.

В правой руке — шприц. Игла в трёх сантиметрах от его левого уха.

Он не дёрнулся. Пятнадцать лет работы с сомнамбулами научили его: никаких резких движений. Резко разбуженный человек в таком состоянии может сделать что угодно. Испугаться, ударить, упасть. А у неё в руке была игла.

Он лежал неподвижно и чувствовал, как стучит кровь в висках.

— Даша, — сказал он тихо.

Ничего. Игла придвинулась на сантиметр. Он почувствовал на коже холодное прикосновение металла.

«Даша» больше не работало. Это слово у неё украли.

Марк закрыл глаза. Одну секунду. Вспомнил кабинет, кушетку, её мокрое лицо. Себя, говорящего: «Я буду держать вас за руку. Это важно. Тело должно знать, где оно».

Её ответ, сквозь слёзы, в глубине транса: «Не отпускайте».

Он очень медленно поднял руку. Нашёл в темноте её левое запястье — свободное, безвольно опущенное вдоль тела. Обхватил пальцами. Нажал большим пальцем туда, где бьётся

пульс. Точно так, как держал её на сеансах. Точно так, как держал несколько часов назад в кресле у окна.

— Ты чувствуешь мою руку? — сказал он. Тем голосом, которым говорил на сеансах. Ровным, медленным, тёплым. — Это моя рука. Ты знаешь её. Ты в безопасности. Я здесь.

Игла остановилась.

— Ты на ступенях. Ты внизу, но ты знаешь дорогу вверх. Мы ходили по ней три раза. Ты помнишь. Один.

Она не двигалась. Рука со шприцем застыла в воздухе.

— Два. Три. Ты поднимаешься. Ты чувствуешь мою руку. Четыре. Пять. Светлее. Шесть.

Её губы дрогнули.

— Не отпускайте, — прошептала она. Своим голосом. Детским, испуганным.

— Не отпущу. Семь. Восемь. Девять. Десять. Открой глаза, Дарья. Ты здесь.

Она моргнула.

Он увидел, как в пустые глаза возвращается человек. Медленно, как свет в комнату на рассвете. Сначала растерянность. Потом узнавание — его лицо, его комната, его рука на её запястье. Потом она увидела свою правую руку. Шприц. Иглу у его уха.

Она закричала. Разжала пальцы. Марк успел перехватить шприц в воздухе, прежде чем он упал на подушку, и отбросил его на пол, к стене.

Дарья отшатнулась, упала на колени на пол и закрыла лицо руками. Её трясло так, что стучали зубы.

— Я… я хотела… Господи, я хотела тебя…

— Не ты. — Марк уже был рядом, на полу, обнимал её, прижимал к себе. — Не ты. Он. Ты остановилась. Слышишь? Ты остановилась.

* * *

В прихожей на полке у зеркала лежал телефон экраном вниз. Марк поднял его.

Звонок был активен. Двадцать три минуты.

Он поднёс телефон к уху и молчал. В трубке тоже молчали. Потом кто-то тихо, очень тихо, напел восемь тактов. На одной ноте. И мягкий, вежливый голос сказал:

— Доброй ночи, доктор. Вы очень хороший специалист. Жаль.

Щелчок. Короткие гудки.

* * *

Лисицына приехала в десять минут пятого. В том же пальто, с теми же тенями под глазами, с Костей и экспертом. Шприц уехал в лабораторию в пакете для улик. Телефон — тоже.

Номер, с которого звонили, оказался виртуальным. Купленным месяц назад через подставное лицо, оплаченным с одноразовой карты.

В половине шестого Лисицына сама поехала к Сазонову. Он открыл ей дверь в пижаме, заспанный, с отпечатком подушки на щеке. Испугался. Спрашивал, что случилось, не с Дашей ли что. Показал свой телефон — никаких звонков ночью. Позвал жену, которая подтвердила: лёг в одиннадцать, спал как убитый, храпел.

Жена, как потом выяснила Лисицына, третий год принимала на ночь снотворное. Сильное. По рецепту, который выписывал муж. Машина Сазонова всю ночь простояла под окном, телефон — дома, на тумбочке. А в двух кварталах, на парковке каршеринга, одну машину той ночью взяли по чужим правам на три часа. Вернули в пять утра. Камеры парковки не работали с весны.

— У меня ничего на него нет, — сказала Лисицына, вернувшись. Она сидела на кухне у Марка с кружкой чёрного кофе и смотрела в окно, где начинало сереть. — Шприц с её отпечатками. Звонок с левого номера. Голос, который слышали двое — по телефону, в три часа ночи, после секса. Адвокат скажет, что вы сговорились. Что она убийца, а вы любовник, который её прикрывает.

— А диссертация? — спросил Марк. — Тётя? Пациентка номер семь?

— Исследование тринадцатилетней давности, где всё по закону и с подписями. Тётя, которая помнит, что маме ставили колыбельные. — Лисицына покачала головой. — Нет. Мне нужно, чтобы он сам. Своими руками. Чтобы я его взяла рядом с ней, со шприцем, с телефоном. Иначе он выйдет через сутки и будет напевать дальше.

Дарья сидела в углу, завернувшись в плед Марка. Она молчала с тех пор, как перестала плакать. Смотрела на свои руки. На правую. Которая держала шприц.

— Я пойду к нему, — сказала она.

Марк резко повернулся.

— Нет.

— Он сказал: «А потом приходи ко мне. Я жду». Он ждёт. Он не знает, что я проснулась. Он слышал, что ты жив, но не знает почему. Может, решил, что я промахнулась. Что внушение сбоит. Он захочет проверить. Поправить. Он придёт за мной сам, если я не приду.

— Дарья, нет. Ты не понимаешь. Если ты пойдёшь к нему в сознании, он увидит. Он полжизни этим занимается. Он поймёт за секунду.

— Значит, я пойду не в сознании, — сказала Дарья. И посмотрела на него. — Ты меня введёшь. Ты знаешь как. Ты три раза водил меня по ступенькам. А потом ты меня выведешь. Ты держал меня за руку сегодня ночью, со шприцем у собственной шеи — и вывел.

Марк смотрел на неё. Лицо у него стало белым.

— Ты хочешь, чтобы я сам отдал тебя ему. В трансе.

— Я хочу, чтобы ты меня вернул. Как сегодня.

Лисицына покрутила кружку с остывшим кофе. Потом поставила её на стол.

— Это безумие, — сказала она. — Это абсолютное, клиническое безумие. Мне за такое снимут погоны.

Она помолчала ещё.

— И это может сработать.

* * *

Тетрадь. Почерк — впервые неровный, с нажимом, строчки ползут вниз.

«Ильин жив. Ошибка. Моя ошибка. Он нашёл якорь. Он умный. Я его недооценил.

Неважно.

Она придёт. Она всегда приходит. Как её мать. Надежда тоже пришла. Сама. На балкон. Я только напел.

Ночь последняя. Её ночь.

Она прекрасна, когда спит. Она будет прекрасна всегда».